

„Сов. артист“, 1945, 4 апр.

К 200-летию Большого театра ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА

К 80-летию со дня рождения Л. В. Баратова

2 АПРЕЛЯ исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося деятеля советского оперного театра Леонида Васильевича Баратова. Сегодня мы не представляем себе развитие советского музыкального театра вне того огромного вклада, который принадлежит этому замечательному оперному режиссеру, не представляем себе репертуара Большого театра без спектаклей, поставленных Л. В. Баратовым, многие из них по праву вошли в так называемый золотой фонд театра.

Прежде, чем стать оперным режиссером, Л. Баратов учился на юридическом факультете Московского университета, был учеником, а затем и актером Студии Евг. Вахтангова, актером Второй студии Художественного театра, а затем уже актером и режиссером Музыкальной студии Художественного театра. В 1923 г. Л. В. Баратов принял участие в знаменитой постановке на сцене этой студии «Лизистраты». Со студией связаны и такие, вошедшие впоследствии в историю музыкального театра, спектакли Л. Баратова, как «Карменита и солдат», «Египетские ночи», «Соломенная шляпка» и другие.

Ни одного из этих спектаклей мне видеть не довелось, но, читая то, что о них было написано в разное время, понимаешь, что именно богатая фантазия и вкус постановщика, преломление системы Художественного театра в музыкальном сделали эти спектакли заметным явлением в бурной театральной жизни 20-х годов.

В 1931 году Леонид Васильевич получил приглашение в Большой театр. Постановки следуют одна за другой — «Турандот», «Псковитянка», «Евгений Онегин», «Князь Игорь», «Мазепа», «Севильский цирюльник». В этих спектаклях Л. Баратов, развивая режиссерские традиции, заложенные в Большом театре И. Лапичкиным и В. Лосским, вместе с тем продолжает линию, начатую в Музыкальном театре К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко. И с ним охотно работают, участвуя в его постановках, многие выдающиеся мастера оперного театра, начиная с В. Барсовой, Е. Катильской, А. Пирогова, М. Рейзена, М. Михайлова, И. Козловского, Л. Савранского и других. И процесс постановок был, я думаю, взаимобогащающим: режиссер не только многое давал артистам, но и сам многому у них учился.

В 30-е г. г. Л. Баратов осуществил целый ряд постановок и на сцене Свердловского оперного театра. Причем, наряду с классикой — «Онегин», «Царская невеста», «Лакме», — он работает над операми советских композиторов. Это — «Тихий Дон», «Броненосец «Потемкин», «Поднятая целина». Преданность советской опере, умение работать с молодыми авторами (кстати, тоже унаследованные от Станиславского и Немировича-Данченко) пронес Леонид Васильевич через всю свою жизнь.

В 1938 г. Л. Баратова приглашают главным режиссером в Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова. За пять лет он успешно осуществил на ленинград-

Сцена из первого акта оперы «Борис Годунов» в постановке Л. Баратова.

ской сцене много интересных спектаклей. Постановка опер «Иван Сусанин», «Чародейка», «В бурю» и «Емельян Пугачев» была отмечена Государственными премиями. Плодотворным было сотрудничество Леонида Васильевича с замечательным советским дирижером А. М. Пазовским. Их совместная работа приносила великолепные результаты, а родившиеся в творческом сотрудничестве спектакли прославились на всю страну, стали яркими событиями в ее музыкально-театральной жизни.

В 1944 году Л. Баратов возвращается в Большой театр, но на этот раз уже как главный режиссер. 40-е г. г. можно назвать кульминационными в творчестве Леонида Васильевича. Именно в это время им были осуществлены постановки «Пиковой дамы» (1944 г.), «Ивана Сусанина» (1945 г.), «Бориса Годунова» (1946 г.), «Хованщины» (1950 г.). И позднее, будучи главным режиссером Музыкального театра им. К. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко, Л. Баратов продолжал ставить спектакли в Большом театре. Уже в 50-е гг. появились «Сорочинская ярмарка» (1952 г.), «Никита Вершинин» (1955 г.), «Чародейка». В это же время в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко Л. Баратов осуществил постановку опер «Семья Тараса», «Война и мир», «Заря», «Емельян Пугачев» — поистине завидная творческая активность!

В 40—50-е гг. мне посчастливилось много работать с Леонидом Васильевичем, наблюдать его работу над новыми спектаклями, и первое, о чем хочется говорить, — это тонкое понимание Л. В. Баратовым природы и законов оперного театра и его огромная эрудиция.

Л. Баратов понимал, что без пения, без вокала нет оперного театра, и всегда считался с физиологической природой пения, учитывая специфику вокального дыхания, шел навстречу пожеланиям певцов (разумеется, если они носили разумный характер). В особенно трудных местах, где были сложные вступления, Леонид Васильевич умел создать мизансцену, которая позволяла бы певцу видеть дирижера, не выключаясь из сценического действия.

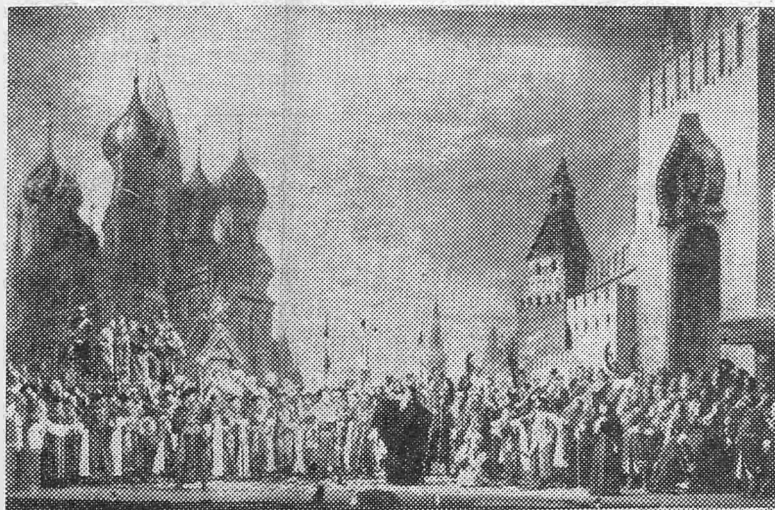
костюм или головной убор, какой орден на какой стороне носили, на какую пуговицу надо пристегнуть аксельбант и т. д. и т. п.

Л. Баратов отлично рисовал сам, и его задания художникам всегда носили точный, конкретный характер. И художники охотно принимали его предложения, которые были не только правильными, но и интересными.

Работал он всегда изобретательно, увлеченно, темпераментно, заражая всех участников репетиций.

Огромную роль придавал режиссер массовым сценам, уделял большое внимание хору и мимансу. В спектаклях Л. Баратова живет и действует на сцене все, нет ни одной неоправданной или случайной детали, все «играет на спектакль», на раскрытие режиссерского замысла. Поэтому баратовские спектакли очень яркие, цельные, убедительные, поэтому так долго сохраняются они в репертуаре.

И если сегодня эти спектакли в чем-то не устраивают театр, то отнюдь не потому, что они были плохо поставлены Л. В. Баратовым. Во-первых, всем им больше 20, а вернее — около 30 лет, и происходит естественный процесс художественной амортизации. А во-вторых, спектакли эти требуют более бережливого отношения. Я имею в виду не сохранность декораций и костюмов, а охранение того, что и как было поставлено Л. Баратовым. И если театр сегодня не удовлетворен постановкой 20—30-летней давности,

Сцена из первого акта оперы «Хованщина» в постановке Л. Баратова.

Леонид Васильевич очень много дал мне для раскрытия каждого из этих образов. Наша совместная работа начиналась с встреч-бесед, к которым я приходил, уже владея музыкальным материалом роли, имея на нее свою точку зрения, основанную на изучении различных материалов — литературных, исторических, иконографических. Я приходил со своей точкой зрения на образ, Леонид Васильевич предлагал мне свое видение. Наши беседы, а затем репетиционная работа рождали единое понимание, и всегда концепция Л. Баратова подкреплялась блестящим знанием истории (особенно русской), эпохи, глубоким проникновением в музыкальную драматургию оперы.

Я часто поражался тому, как много знал Леонид Васильевич. Он показывал, как носился тот или иной

сти, то надо ставить спектакль заново, а не создавать новую сценическую редакцию. Ведь в результате различных редакций сейчас уже трудно вспомнить, как были первоначально поставлены отдельные сцены «Бориса Годунова» или, скажем, «Князя Игоря».

Спектакли Л. Баратова вместе с коллективом Большого театра продолжают триумфальное шествие по сценам мира, и их успех, радость приобщения к великому советскому искусству, которую они доставляют зрителям, — лучший памятник Леониду Васильевичу Баратову, художнику, оставившему неизгладимый след в истории советского музыкального театра.

Иван ПЕТРОВ,
народный артист СССР.

Сцена из четвертого акта оперы «Никита Вершинин» в постановке Л. Баратова.